

ГЕНИЙ МЫСЛЕННЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Так окрестил себя нечаянно. Слетело с уст во время разговора. Хотя на самом деле за свою 77-летнюю жизнь Милослав Александрович БАЛАБАН (1927–2005) прошёл Великую Отечественную, служил бортовым радистом, успел поработать в школах — от Одессы, Дальнего Востока до Нижнего Новгорода и Москвы, преподавал в вузах, техникумах, училищах. А ещё говорил о себе: «Воевал — не убили; честно работал — не посадили. Разве не счастье?»

Антон Зверев

Он был миллиардером в педагогике — будь то теоретической или экспериментальной. Хотя и не подарил потомкам строго академического описания своей педагогической системы. Но разве Антон Макаренко, Василий Сухомлинский, Игорь Иванов успели это сделать?

Никаких академий и телеканалов не хватит, чтобы освоить то гигантское место-рождение идей, которое он нам оставил. До востребования. Он и сам был академией. Второй, а иногда и первой, самой строгой и бескомпромиссной академией народного образования.

Своим учителем считал американца Ивана Иллича, автора нашумевшего труда «Обесшколенное общество» (Deschooling society, 1972). Иллич мечтал избавить человечество от гнёта школы, перенеся её в домашнюю обстановку. Балабан, развивая идеи учителя, доказал, что делать это надо по-другому. Во-первых, школа служит детям вторым домом, пока их родители трудятся на производстве. Во-вторых, сама эта изобретённая Коменским в 1650 году «живая мануфактура», собственно, и породила мануфактуру без кавычек — всю сегодняшнюю индустриальную цивилизацию. Шутки с цивилизацией опасны. Вот почему он занялся «обесшколиванием школы» — в стенах самой же школы. Начертав на своих знамёнах — «Строить, не разрушая». Поэтому парковая студия у Балабана — не замена классу, а лишь одна из разновидностей альтернативного образования, сосуществующая с привычной «умодробилкой» под одной крышей. И свободно конкурирующая с ней.

Его главная работа так и называлась — «Школа-парк» (1992). Опубликованная сразу в шести номерах «Первого сентября», она вызвала шквал негодований и восторгов. Он проснулся знаменитым. В редакцию ехали курьеры из Государственной думы, чтобы выпросить лишний экземплярчик. Виктор Болотов, в ту пору первый замминистра образования, поставил эту публикацию в один ряд с сочинениями Руссо, Гельвеция, Льва Толстого, Фромма. И добавил: если учитель, задумав построить собственную школу, не прочитал прежде Балабана, то это «либо конъюнктурщик, либо дилетант».

Для меня он был мудрецом, провидцем. Самым любимым собеседником и очень близким по духу человеком. Воплощением спокойного и потому непобедимого инакомыслия. Марсом и Юпитером в одном лице. Одной ногой стоял в Европе, другой — в Азии. В годы застоя был негласно запрещён, поэтому печатался и «думал» только по-английски. Большинство его произведений той поры, вплоть до 1991 года, увидели свет в США и Великобритании.

Знакомство в редакции

Он разыскал меня в «Известиях» и тотчас стал ругаться прямо в телефон. На всех нас, бестолковых журналистов, без разбору. Несколько дней спустя — приехал. Ло-

бастый. Крупный. И (показалось) сильно одинокий. Вежливо постучал в дверь, вошёл и передал статью, подписанную доцентом МГУ М. Балабаном.

С деревьев опадали листья 1989 года. Только что ушёл главный — не только в «Учительской газете», но и во всём образовании — редактор Владимир Матвеев. Горизонты просвещения заволочло дождями, да и мои дела в редакции шли не совсем о'кей. Меньше всего хотелось слушать сейчас от незнакомца новые теории. Тем более нотации.

— Позвольте, вы всерьёз? Яна Амоса Коменского не знаете? Где вы учились, милый? — Гость мой, крайне озадаченный и даже озабоченный таким виражом разговора, вдруг распустил свои строгие тонкие губы, откинул голову и громко, от души захохотал. — Господи, ха-ха, а я ему рассказываю, ой, не могу, а он Коменского не знает, мне и в голову такое, ох!..

Ну и что? Владимира Матвеева я знал, Симона Соловейчика тоже. Мне в жизни хватало великих.

— Уф-ф! Хорошо, этот Коменский, о котором вы даже не слыхали, изобрёл, поверьте на слово, урок, звонок, оценку и так далее — ту самую школу, которую все-все окончили. Представляете, в дремучем семнадцатом веке...

— Представляю. Ну а мы-то с вами тут при чём? Газета «Известия» в этом уж точно не виновата!

— Он говорит «при чём»? Чудак! Классно-урочная система противопоказана роду людскому, кроме трёх процентов тех редчайших уникамов, кто способен в силу своих генов без ущерба для ума питаться, извиняюсь, экскрементами — отходами с чужой интеллектуальной «кухни».

— А вот это уже любопытно. Чем докажете?

— Проверил экспериментально! В школе, вузе, техникуме и так далее. Даже отправил телеграмму госпоже Маргарет Тэтчер. Жду ответа. Можете не сомневаться, от этой болезни никакой, даже английский ваучер не помогает, ведь лечить надо гигантскую с и с т е м у массового образования.

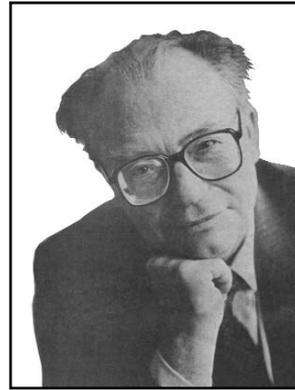
— Так и отстучали миссис Тэтчер?

— Слово в слово!

— Ладно, школа Коменского неэффективна. Пусть вы это доказали. Что взамен?

— Пожалуйста, клуб, много клубов, разновозрастных, по интересам. Только так — иначе не выходит. Посмотрите, у Макаренко или в «Орлёнке» под Туапсе...

Я обалдел: да, кажется, вот — настоящее, серьёзное! Бездыханный педагог спасает человечество от неминуемой и обязательной по конституции стерилизации мозгов; сражается со средневековым схоластом Коменским, шлёт телеграммы в Лондон, перестраивает школу в сеть клубов типа «Что? Где? Когда?». А кто-то между тем (стыдно сказать) отсиживается за чашкой кофе на улице Горького, медленно курит, поднимается на лифте в свой удобный кабинет, погружается в кресло и ждёт.

Милослав
БАЛАБАН

РЕБЁНОК В КЛАССЕ — ВСЕГДА ПОТЕРПЕВШИЙ

Из неопубликованного

Образование — право или повинность?

Если ты не можешь уклониться от получения права, значит, это не право, а обязанность.

Ветви власти

Современное государство покоится на трёх системах власти: судебной, законодательной, исполнительной. Школа, очевидно, самая тоталитарная из социальных систем. Ибо учитель — сам судья, законодатель и исполнитель собственных инструкций. В этом ему помогает государство, прикарманившее повсеместно содержание школьных программ. Чиновники от педагогики не понимают, что, сохраняя за собой эту монополию, они роют могилу демократии.

Не трогайте рынок руками

Что такое рынок? Это экономическое общение между людьми.

Это, по сути, вчерашний базар, но хорошо отжатый, отфильтрованный.

Стерильным рынок не бывает, потому что в стерильном состоянии нет жизни.

Это живой, самонастраивающийся организм. Чем меньше в него вмешивается государственный чиновник, тем спокойнее он дышит.

На рынке нет начальника и подчинённого, поэтому-то многие из нас его и не переваривают.

Как всякое естественное явление, рынок не терпит насилия в виде, например, Единого национального учебного стандарта и прочих искусственных ограничителей.

На рынке тоже действует оценка, но не снаружи, а изнутри. То есть цена, оценка здесь — это «продукт взаимного непротivления» поку-

пателя и продавца, их обоюдной оценки друг друга, а не назначенная сверху государством «обязательная стоимость».

На рынке оценивают — магазин, а не клиента!

Только там, где человек несёт непосредственную, живую ответственность за свои действия, свободно распоряжаясь объектом своей собственности, возможно эффективное производство и эффективное развитие.

Свобода

Предлагаемая господами Сысуюевым, Немцовым, Грефом и так далее свобода выбора школы — всё равно что выбор поликлиники. Нет, выбор должен быть таким, чтобы он не зависел от твоей прописки, толщины кошелька, случайно сделанных ошибок. Выбор — это состояние, а не одноразовый акт. Поэтому нужна свобода выбора врача, а не лечебного учреждения!

О педагогике сотрудничества

Педагогика сотрудничества возможна только при полной, неотъемлемой свободе выбора учеником себе этих самых сотрудников. Иначе всё опять пойдёт по списку, строим, в затылок, а не по случайному желанию заказчика.

О конкуренции

Школа устраивает соревнования между покупателями, а соревноваться должны продавцы. Человечество выходит из цивилизации, где тебя оценивают, туда, где ты ищешь, делаешь и оцениваешь себя сам. В рынок учителей, но не детей!

Что такое живой опыт?

Вы спрашиваете, что такое живой опыт? Да это каждый наш самостоятельный поступок. Только поступок тебя развивает, только поступком измеряется твой интеллект, в конце концов, жизнь.

Вместо жёстких программных знаний в студии циркулирует нечто более мягкое — ворох личных мнений, в атмосфере обмена которыми быстрее формируются опыт и личное знание каждого.

Почему учёба — это разновидность рабского труда

Ребёнок в классе обязан жить в чужом времени, от звонка до звонка, вдобавок непрерывно выполнять чужие предписания. И непрерывно думать не так, как считает нужным, а как кто-то считает нужным, чтобы он думал. Таким образом, в условиях строя (а класс — это нормальное строевое упражнение, когда много людей

Чего? Надо и вправду разобраться с этим, как его, чешским грамотеем.

Мы спускались по большущей белокаменной редакционной лестнице. Солнце ломилось во все окна и ломалось о стекло известинского небоскрёба. Горизонты прояснились и сквозь годы я, честное слово, уже видел его всепланетный, близкий триумф.

— Прорвёмся, а, Мирослав Александрович? Ударим вместе по Коменскому?

— Ударим, точно! Ладно, успеем отобедать: у меня электричка в Орехово-Зуево только в 15:40. Куда идти, показывайте дорогу...

Я тогда не знал, что он почти совсем не видит. Лишь расплывчатые очертания в тёмном тумане. Катаракта на обоих глазах, отслоение сетчатки. В течение всех 16 лет нашей дружбы он так и не сказал об этом. Правда открылась только на поминках...

Просвещение, согласно Пушкину, — это тиран

В первые дни знакомства казалось: наберу номер, поздороваюсь, задам малюсенький вопрос на уточнение и — всего доброго. Не вышло. Нашу бедовую техническую цивилизацию он по ходу разговора на любую тему разбирал, как детскую игрушку. На мельчайшие детали. Потом снова аккуратно собирал. И вновь что-то где-то развинчивал, подтягивал, прилаживал. Играл в свой кубик Рубика азартно, как ребёнок.

Его донимали: это, мол, голословный тезис, обоснуйте! Как теперь понимаю, напрасно. Лучшим доказательством служит история его же собственной жизни. Перечитайте биографию автора «Парк-школы»: где он только ни работал, чего ни испытал, какие парки ни выращивал! В 1944-м брал Варшаву; перепрыгивал через курсы в институте, да не в одном; преподавал в школе для детей с ментальными изъятиями; учил иностранным языкам известных режиссёров и космонавтов; дружил с Игорем Шехтером и Александром Тубельским; работал строителем, метеорологом, переводчиком (свободно владел тремя языками), возглавлял программу EPOS International; несколько лет представлял интересы нашей страны на постоянном международном семинаре по школьному обучению при ОЭСР (всемирно известный Парижский клуб). А коллеги по вычислительному центру МГУ до сих пор почитают его как тончайшего знатока компьютеров и радиотехники. Каждое слово, мысль в его работах обеспечены валютой жизненного опыта, строго научного эксперимента, личного и профессионального поступка, подкрепляющего глубоко выстраданные убеждения учёного и гражданина. Какое доказательство сильнее?..

А он всё-таки искал — новые доводы, факты, обоснования. И однажды то ли гордо, то ли скромно сообщил: «Пушкин тоже считал, что просвещение уничтожает благо. Помните?

«Где капля блага, там на страже / Уж просвещение иль тиран». Смотрите, у великого поэта «просвещение» и «тиран» — синонимы. Они «опустошают мир». Что и требовалось доказать...»

Новая наука начиналась с жутковатых цифр

В 1957 году престижной международной организации срочно понадобился переводчик с французского и английского. В отличие от остальных претендентов он знал оба языка (выучил самостоятельно). Так тридцатилетний советский учитель из Нижнего Новгорода нечаянно попал в самое сердце Европы — в Париж, штаб-квартиру ЮНЕСКО.

Что там увидел, остаётся лишь гадать. Но, думаю, был изумлён не только роскошью архитектуры, духом свободы, видом цветущих каштанов. Самая влиятельная под луной культурно-образовательная организация всегда была активной, пища для ума давала досыта. Я был там сорок лет спустя после него, в 1997-м. Немножко представляю, что это такое. Одна «историческая» встреча сменяет другую. Министры, бывшие и действующие, ораторы любого цвета кожи из 180 стран поочерёдно клянутся вызовами XXI века, вскрывают «неисчерпанный потенциал», выводят формулы (успеха), векторы (движения) и контуры (будущего). Натужно работают все телефоны, пресс-центры, бары, буфеты и кофемолки мирового мозгового центра.

...А он переводил, переводил, переводил — выпренинные клятвы, дежурные дипломатические изыски, затасканные восклицания и приторные штампы. Надо ли добавлять, что число грамотных на каждую тысячу жителей в Индии, Зимбабве и Боливии росло от форума к форуму? Денег на поголовный, всемерный — всемирный! — ликбез никто не жалел. Ещё бы, ведь грамота открывает «врата рая» — единственно мыслимый путь к развитию и счастью каждого.

Сами решайте: сколько нужно человека изводить, какие попытки к нему применять, чтобы однажды «испытуемый» восстал против такой, казалось, безобидной штуки, как всеобщая грамота.

Не «улучшить», а сместить

Скорее всего, именно в Париже он обдумал то, что сформулирует годы спустя: не делайте из грамоты культа.

«Надо не улучшить обучение через грамоту, а сместить её с должности командира всех наук». «Нельзя загнать природу человека в 33 буквы алфавита и 18 математических знаков». «Только 10 процентов людей способны получать знания через письменную речь. И ещё меньше — 2 процента — могут найти СВОЁ в ЧУЖОМ, переваренном через язык и выданном в виде готовых формулировок знания — без потери собственного творческого «Я». А остальные 98 процентов куда? В печь, за окно, на помойку?» С этих двух весьма красно-

должны одновременно выполнять одну работу), в этих условиях и проблемы оценивания нет. Потому как тут работа не является работой. Просто упражнение на подчинение. (...) Понимаете, мы ищем, как усовершенствовать нарушения этической нормы под названием «школьная оценка». Усовершенствовать нарушение! Бред. Не проще ли вернуться к цивилизованной этике, в правовое поле? Или, что почти одно и то же, к самооценке поступком?

Текст — мера мира?

Я не против текста, нет. Я против его монополии в общей системе интеллектуальных ценностей. В жизни обычно это лишь справочное пособие. Если же текст становится ТЕСТОМ, он губит живое. Вся его «объективность» на самом деле сводится к комфорту педагога: мы тридцати ученикам предъявляем одно и то же задание, потому что НАМ так удобнее их оценивать.

Учитель может и обязан стать богатым

Может быть, не человека нужно по-новому определять, а школу? Она по природе убыточна, потому что не имеет права получать доход... Нет, это вовсе не такая уж фантастика. Фантастика — это когда учителя большой и богатой страны работают за так, за здорово живёшь. А вот когда они получают плату, своевременную и соразмерную их изнуряющему труду, то это в природе вещей. Так и должно быть в норме.

Поверьте, меня ничуть не меньше, чем вас, унижает тот факт, что профессия учителя остаётся самой малооплачиваемой, неквалифицированной (каждый умеет пользоваться ситом стандарта), непрестижной в мире. Вот почему, признаться, я мечтаю о временах, когда учительская зарплата будет складываться из суммы ваучеров, которые ему принесут дети и которые он сможет обналичить в банке. Это выгодно всем. Я долго думал: почему в Англии ваучеры вроде есть, а школы — те же? Плохие так и остались плохими. И наоборот. В чём дело? Понял: ваучер должен работать на уровне учителя. В противном случае педагог по-прежнему служит директору, а не своей науке или детям. А директор, как известно, принимает к себе в школу только тех учеников, что не подмочат репутацию его заведения.

По рельсам стандарта

Пока массовая школа окончательно и безусловно не признает за ребёнком право быть самим собой, любой стандарт будет менять лишь режим его обработки.

Стандарт на парты и стулья лучше, чем стандарт на умы. Последний, кстати говоря, запрещён Конституцией.

Господь не всё делает глупо. Если бы ему было достаточно одного стандартного знания, он бы сделал одного стандартного человека. Но ведь не сделал. А захотел, чтобы у каждого индивидуума (даже у каждой его клеточки!) был свой взгляд на мир. Чтобы с разных сторон каждый взглянул вокруг и передал свои впечатления другим, а человечество богаче, умнее стало от этого.

Ошибка допускается всеми одна и та же. Мы все (вместе с авторами новых стандартов) тайно надеемся, что кто-то из смертных может знать, чем должен заниматься мой ребёнок сию минуту для того, чтобы стать чем-то значимым и даже счастливым.

Вариативный стандарт — тот же солёный сахар.

О реформаторах & модернизаторах

Вы желаете делать реформу внутри классно-урочной системы, укрепляя её. А мы предлагаем сделать шаг из класса — в город или студию.

Гражданская проповедь

Я мечтаю написать книгу под названием «Гражданская проповедь». И первая строчка в ней будет такая: «Ребёнок в классе — всегда потерпевший...»

Чтобы покинуть административную систему «ты начальник, я дурак», надо отказаться от ложной системы целей, ценностей. Проверять, не в каком году родился, где родился, что открыл, а нечто иное. Знания, а не память. Какие именно? Об этом пусть судит рынок услуг, на котором будет работать выпускник. Чтобы самим не градуировать сообразительность своих клиентов.

О предполагаемой двенадцатилетке

Практика социального ранжирования детей, похоже, стала новой всеобщей верой. Никто ведь не говорит, что 12 лет отсидки в тюрьме лучше, чем 11. Но в школе — лучше. Никого не беспокоит, что получится из человека (а получится покорная рабсила). Главный вопрос: что он получит?

Память — орган симуляции развития

Давайте договоримся: есть память, которая опирается на обязательное забывание (как в анекдоте: «А теперь забудьте всё, чему учились в школе!»). Это орган *симуляции развития*, то есть защиты интеллекта от ненужной инфор-

речивых цифр и начиналась новая, честная до конца наука, чёткая до конца. 90 процентов «бестолочей, Ванек, оболтусов, разгильдяев, лоботрясов, пэтэушных, охламонов». И 2 процента «достойных».

Он сначала в своей живой практике нашёл, а после откопал в американской периодике, что школа — самая неэффективная из социальных систем. Коэффициент её полезного действия не превышает десяти процентов. Повсеместно! Эти две цифры (10 и 90 процентов) оскорбляли его лично, врезались в самое сердце. Хотя на его любимой родине тем временем трубили, что у нас, де, рекордно высокий показатель успеваемости — чуть ли не 99,9 процента. Само собой, малоизвестного провинциального учителя никто не слушал, не слышал, не хотел воспринять...

Статус и ксива чиновника международного класса подразумевали хорошее жалованье, позволяли путешествовать, не оформляя виз. Он воспользовался — тайком от руководства махнул на выходные из Парижа в Нью-Йорк. Должен был сам, глазами знатока увидеть то, что мы сегодня полагаем аксиомой: при всём внешнем либерализме американская школа не намного свободнее европейской.

Ему предлагали остаться в ЮНЕСКО — не пожелал. Этот сюжет повторится в его биографии ещё и ещё.

В 80-е годы М.А. Балабана прочат на очень высокую должность — руководителя всей системы подготовки преподавателей иностранных языков в СССР. В шикарном кабинете здания ЦК на Старой площади, узнав, что он не член КПСС, прозрачно намекнули: «Дело поправимое. Вы, конечно, вступите?» От него требовалось всего-то кивнуть. А он: «Нет, честно сказать, не собирался».

В 90-е годы власти подмосковного Орехово-Зуево пообещали «принципиальному» доценту педагогического вуза квартиру в обкомовском доме. Но при условии, что будет выставять студентам правильные отметки. Снова отбой. В итоге неуступчивому завкафедрой и его большой семье пришлось поселиться на самой окраине, в доме самой низкой категории.

Три карликовые смежные комнатки (негде укрыться) «с видом на родовое болото» (так шутил). К болоту, как и предполагается, примыкает свалка районного значения. Здесь жил до последнего дня. В этом простецком жилище и умер.

Что удивительного? «Нельзя быть порядочным наполовину, свободным отчасти, добрым и творческим чуть-чуть, компетентным немножко, — любил повторять Милослав Александрович. — Тут середины нет...»

Диссидент от педагогики

Он отрёкся от веры в методику, кажется, в 1975 году. Волей богов ему открылось, что школа Коменского стала (по осознанной воле людей) первой простейшей машиной в истории

цивилизации. Прототипом будущей фабрики, но сконструированной (вообразите) из... людей.

Любопытно, как это произошло. Он сидел дома за машинкой, когда вошла младшая дочь Оля. В руках держала раскрытую книгу Симона Соловейчика «Учение с увлечением»: «Пап, а ты знаешь, что Коменский был сыном мельника?» Его осенило в ту же минуту: всё верно, как же я раньше не понимал!

«Система, в которой мы работаем, вынуждена душить и убивать — как автомат мелет живое зерно, поэтапно. Засыпаешь мешок зерна, а получаешь на выходе всё что угодно. Сыпучий продукт. И вдруг я понял, что школа устроена по схеме мельника. Великий Ян Амос Коменский самоотречённо и последовательно воспевал свободного ребёнка, говорил о безграничности его природных задатков и сил. Всё правильно: школа в те годы тоже была делом добровольным — вход и выход были открыты круглогодично (не понравилось — тут же ушёл). Причём для «прихожан» любого возраста. Да и образование-то длилось всего два года... Но в последующей массовой практике гениальные труды Коменского вроде как «случайно» переврали, грубо извратили. Ради пушшего удобства пользования классно-урочной процедурой их поставили на службу технике, единому порядку, а впоследствии — экзаменам и тестам. Действительно, более простого устройства, чем мельница, человек не изобрёл. Разве что колесо. Но ведь и здесь всё тоже просто. Дети — сырьё, учитель — жёрнов, учебная программа и оценки — стандартное сито. Если бы автор «Великой Дидактики» увидел, что сделали с его теоретическим наследием, он бы перевернулся в могиле!

После этого открытия я перестал всем остальным заниматься. Какая к чёрту методика!..» (28 марта 2004 года, в день 408-летия Коменского, по телефону.)

С этой поры, повторю, он навсегда покинул стан методистов. Замысловатые, лукавые метафоры отсыпались, как шелуха. Прощай, торжественная педагогика элегий, гимнов, всхлипов, эпитетов и деклараций! Теперь не «как бы мельница», а мельница. Не «подобен жёрнову», а жёрнов. Не «будущий гражданин», а исходное сырьё для того и другого. Без всех этих кавычек, оговорок и метафор.

Здравствуй, новая наука о ребёнке... Нет, о Человеке!

БЕСЕДА НАЧИНАЕТСЯ С ВИЗИТА

Как всякий гений, он отвечал на вопросы, которые ему никто не задавал. Вокруг отвечавшего сгущался коммуникативный вакуум.

Неожиданно для человечества выяснил, что лидером, главным в акте общения является слушатель (потому что каждую минуту он вправе покинуть, остановить разговор), а вовсе не говорящий.

мации. Адресоваться к ней, если мы действительно хотим что-то развивать, не следует.

Чего не может Интернет?

Интернет — конкурентное пространство, где производители услуг азартно соревнуются за внимание посетителей. Возможности его действительно велики: от поиска себе работы до поиска виртуального учителя. На селе без него ни заказать зерно, ни уточнить цены на свою продукцию. Удобен ещё и тем, что сам регистрирует каждый выход в Сеть. Но перед учителем встаёт дилемма: либо кушать, либо сидеть в Интернете. А самое главное, чего Интернет не может головой отвечать за здоровье и безопасность всех детишек. Это главное, на что деньги отпускаются школе. Что он может? Переключать картинки и, кроме того, рассчитан на текстовый ввод и приём ответа. То есть опять предназначен для грамотеев, коих от природы, в общем, не так много.

Миссия педагога

«Лаборантские» функции присмотра требуют от учителей гораздо более высокой квалификации. Ею у медиков обладают настоящие медсёстры, часто подсказывающие врачам простые выходы из затруднений благодаря своим особым, натуральным, вытекающим из опыта, а не из книжек знаниям.

Зачем нужна школа полного дня

Именно полный учительский день позволит объявить свободными для посещения не только все обычные предметы, но и кружки второй половины дня.

О будущем образования

Как-то, гуляя во дворе, дети из нашей биостудии заметили на асфальте птенца. Дружно решили, что он выпал из гнезда. Представить, что он вырос, что в неволе ему стало тесно, было трудно. То же и со школой: почему мы так уверены, что она вечно будет жить в гнезде, на иждивении родителей? Пора бы и самой уже расправить крылышки. Детство прошло — время летать самой!

О рекламе и антирекламе

Мне позвонил на днях старый приятель из Будапешта. «Найди, — говорит, — пять миллионов на рекламу своей парк-школы — и мы с тобой играем!» Вообще-то он, конечно, прав. Но я ответил, что за отсутствием средств могу рассчитывать только на антирекламу, которую школа сама себе делает.

Действительно, «слушатель-донор» платит «рассказчику-реципиенту» самым дорогим, что у него есть, — временем собственной жизни. Отсюда неопровержимо вытекает, что чем больше слушателей у Мастера, тем ценнее его труд для общества. Так и возникла у него идея школы как сети гостеприимных студий, открытых на вход и на выход, где каждый вновь входящий оплачивает услугу образования своему рассказчику напрямую. Платит не только личным вниманием, временем, но и монетой, отпущенной из казны государством на его развитие.

До Балабана все заученно, как «Отче наш», твердили, что беседа (читай: школа) начинается с вопроса слушателя (ученика). Балабан уточняет: нет, с визита!

Бессмысленно советоваться с маленьким о содержании образования, проводить с ним нудные семинары на тему «Что ещё улучшить в расписании?». Но когда он сам к вам приходит, делая выбор ногами, то тем самым преображает и вас — «голосует поступком» за ваше искусство, вкладывается в него, авансирует и незаметно совершенствует себя.

Чувствуете? Где-то тут начинается другая этика, несколько иной, чем мы привыкли, взгляд на индивидуальность.

Оказывается, ребёнок, человек строит себя не тем, что повторяет за учителем хрестоматийные истины, а поведением, суммой свободных визитов. Значит, он неумоимо развивается, стремительно растёт, даже когда... молчит!

Балабан был безоглядно смел, продуктивно напорист. Недаром одноклассники дразнили: «Мишка Балабан — самый главный хулиган».

В 1991 году, в самый пик школьных реформ, со страниц одной из центральных газет он громогласно объявит: «Не надо строить иллюзий — никаких перемен не происходит! Мы — в замкнутом круге. Сейчас мы делаем со школой то же, что попытались сделать с обществом за последние пять лет. Тщетно пытаться выковать идеи революционным путём. Новое должно органично вырастать из старого».

Самым органичным инструментом переустройства социума он считал рынок, «рыночную суету». Иначе говоря, взрослая Россия перешла к капитализму; очередь — за школой.

«Честное слово, рынок, хаос, — уверял он меня, — это совсем не страшно. Он побродит, побродит и успокоится. Да, сначала будет беспорядок. Но из беспорядка, как говорил Экзюпери, возникла жизнь. А из порядка жизни не возникнет никогда...»

И ещё без конца повторял: «Организация образования должна быть такой, чтобы ребёнок не попадал в плен своего импульсивного, однажды сделанного выбора. Чтобы он продолжал искать все десять лет подряд. КАЖДОДНЕВНО, ВСЕМИНУТНО. Поэтому обязательства, накладываемые на ученика сделанным выбором, должны быть минимальны. Именно в поиске он вырастает в Человека».

«Торгаш» — отличное слово!

«Советский продавец хамил, сидел на зарплате и кормился с дефицита, через заднюю дверь. И вдруг пришёл рынок, продавцов стало много. И все увидели — нет, он не хам и не самодур, если у каждого в условиях свободы буквально за неделю-другую наработывается своя, добрая методика продаж. Надо, чтобы и зарплата учителя прямо зависела от того, сколько к нему придёт учеников. Почему в детских садах нянечка не вправе получать деньги по числу пришедших к ней малышей? А как иначе поощрить наставника, который притягивает детей магнитом?»

Смотрите, Чубайс отважно, вслед за Тэтчер, передаёт в частные руки электростанции, потому что в Англии впервые стали падать тарифы на энергоуслуги. А мы всё боимся. Правильно боимся, но... На то и эксперимент» (из неопубликованного интервью, весна 2005 года).

Он не знал всех ответов, да и принципиально не желал в деталях расписывать каждый будущий шаг своей парк-школы, прописавшейся в «Школе самоопределения» у Александра Тубельского. Относился к ней как к живому, шаловливому ребёнку. Уважал в нём мятущегося, непредсказуемого человека, а не бездушного, абстрактного учащегося.

О нарушителях классной дисциплины говорил с восхищением. Как-то посетовал: мол, учителя моего тринадцатилетнего сына жалуются на поведение мальчика. А Балабан в ответ: «Спротивляется? Значит, живой!»

«Если мы сделаем классные комнаты открытыми для каждого, как магазины на улицах, то всё станет на места. Будет нормальная школа, какой она была и до сих пор остаётся во многих индийских штатах. Там дети получают основное образование не в школе, а у уличных ремесленников. Каждый прохожий. Если он простоит у одного мастерского целый день, а к другому

вообще не подойдёт — значит, ему там интересно, а здесь — нет. И он СЕБЯ оценивает этим. И выражает эту самооценку в ПОСТУПКЕ. А мы пристаём с ножом к горлу: «Чем ты хочешь заняться, а, Сашенька?» А Сашенька: «Простыми предметными числами, бабушка!» Такого ответа мы ждём?..»

« — Студия живописи, на входе установлен турникет. Ученик подносит контактную карту — на ней отпечатываются время входа и цена услуги... Стоп, да это же Иван Ефремов, Рей Брэдбери! Скажите, вы действительно верите?..»

— (Перебивает.) Я это вижу!..»

Постскрипум

Разговор двух авторов после публикации их совместной статьи «Внуки Коменского» в «Учительской газете» от 9 октября 2001 г., № 42 (по телефону).

А. Зверев. Зачем было мудрить?

Давайте хоть друг другу скажем проще: мы — за свободное посещение уроков...

М. Балабан. ...но с одной поправкой: свободными для посещения объявляются не только обычные предметы, но и факультативы, мастерские, клубы, студии, кружки, которыми располагает школа, если они не запрещены законом.

А. З. И что будет? Дети дружно рванут на какую-нибудь «Историю джаза», бальные танцы, пинг-понг, баскетбол. Возьмите Америку с её невиданной свободой внутришкольных перемещений. А итог ужасен: дети стреляют в учителей, кривая успеваемости стремится вниз. Зачем придумывать велосипед? Лучше уж честно признать, что никакой педагогический радикализм и даже самый невинный либерализм в классе не приживаются.

М. Б. Тут вы правы. В КЛАССЕ ничего не приживается, вообще. Кроме тупой зубрёжки. Именно поэтому и есть смысл заменить (точнее, дополнить) его ОТКРЫТОЙ СТУДИЕЙ. И посмотреть, что приживётся в ней. Кстати,

обычный класс, на который все так молятся, это лишь особый жанр открытой студии. Кому сильно хочется зубрить, получать оценки и обязательные домашние задания — пожалуйста. Кто против? В нашем открытом парке-студии, смею уверить, будет и обычный, то есть герметичный, класс с его унылым административным управлением и жёсткой стандартной программой. Многим детям (по моим прикидкам, где-то восьмидесяти процентам учащихся) он необходим как воздух. Просто потому, что по привычке мил их старшим домашним друзьям.

А. З. А, кажется, я понял. Дело в том, что для 90 процентов выпускников «закрытых классов», как доказало исследование Института Гэллапа, школьная грамота, сам по себе текст в книге не становятся орудием познания мира. Чтобы действительно что-то понять, им нужно научиться действовать всем своим «Я» как субъективным (ненаучным!) инструментом поиска. Лепить, танцевать, строить, петь, паять, испытывать волю, дух, творческие силы, нечто изобретать и постоянно расти над собой. Понимаете? Иначе говоря, искать себя и радоваться самой интересной поре жизни.

М. Б. Вот-вот. А дело учителя — научиться уважительно сотрудничать с проблемами и интересами свободно выбравших их... менее взрослых и искушённых людей. Педагогика сотрудничества обусловлена свободой выбора себе партнёров по общему делу, старших и младших товарищей — друзей, вожakov, мастеров, консультантов. Вот почему школе давным-давно пора, откинув застарелые комплексы, «откупорить» свои помещения для каждого «случайного прохожего». И встретиться глаза в глаза с детьми, которые зачем-то к тебе заглянули. Сами. А не по приказу государственного расписания. Вы знаете, какая это радость, какой захватывающий детектив, ни на что не похожее приключение духа... **НО**